

ПО СЛЕДАМ
ОДНОГО
СУДЕБНОГО
ДЕЛА

ОНА ИГРАЛА НА СКАЧКАХ

ЕКАТЕРИНА Поликарпова час-тенью играла на скачках. Не потому что любила голд в лошадах или была «везучим» игроком. Нет. Ее привлекала сама атмосфера ипподрома — своеобразная смесь мототвства, безделья, спортивного азарта и погоны за легкой наживой. В ресторане «Бег» привыкли видеть эту сухоную седеющую женщину с неизменной сигаретой в углу ярко накрашенного рта. Но когда она перестала бывать там, это никого не удивило: кое-кому из завсегдатаев ипподрома, подозрительно щедрых на чаевые, случалось уже исчезать, «не попрощавшись», и судьбу их проясняли потом только краткие газетные сообщения под рубрикой «Из зала суда»...

Зато работников Первого часового завода, где Поликарпова долгие годы работала бригадиром сборочного цеха, ее арест по поводу в горестное недоумение. Они-то знали ее совсем другой — деловой, сдержанной и настоящей по-груженной в производственные дела, что даже отпустила она не брала несколько лет подряд! И вдруг Екатерина Павловна — воровка... нет, не может быть!

Между тем это было так. Поликарпова годами крада часы с конвейера своей бригады. Только за последние три месяца перед арестом она похитила их более 500 штук. Как же удавалось ей оставаться безнаказанной?

Чтобы понять это, мы отправились на завод.

СБОРОЧНЫЙ цех встретил нас обильной зеленью и тишиной. Вдоль пульсирующей ленты конвейера в удобных полуреклах сидели девушки в стерильно белых халатах.

На конвейере рождаются часы. От операции к операции они обрастают замысловатыми колесиками и в конце ленты оживают, начиная уверенно тикать.

Казалось бы, все тут предусмотрено, рассчитано и на учет каждая деталь. Ведь недаром заводоуправление наполнено занято огромной бухгалтерией

с собственной счетной станцией. Но если копнуть поглубже, вдруг откроются дебри безалаберности и ротозейства — сущее раздолье для любителей поживиться за государственный счет!

Вот хотя бы конвейер. Лента его может двигаться и быстрее, и медленнее (механик регулирует скорость по указанию бригадира).

Разумеется, скорость конвейера связана с производительностью труда, с количеством продукции, которая выходит с него. И кому же не ясно, что нельзя увеличивать скорость конвейера по прихоти бригадира. Но на часовом заводе это оказалось возможным. Жулик, пробирающийся в цех, убрал ход конвейера, а следовательно, снизил с него больше продукции.

Но сколько же именно? Никто этим не интересовался. На складе принимали готовую продукцию и с удовольствием отмечали некоторый рост ее. И, конечно, никто не учитывал, какое же количество «сверхплановых» часов в результате этих махинаций положила себе в карман Поликарпова.

Детали, взрощенные на «левые» часы, Поликарпова объявляла утерянными. И бухгалтерия мирно списывала с нее (как и с других конзоноднх) любые «утери», хотя размеры их приобрели прямо-таки неправдоподобный характер. Только за 1958 год завод списал «утери» на полмиллиона рублей!

Детальки-то крошечные, — оправдываются работники завода. — Чихнешь, и то разлетаются...

Другая приманка для жуликов — бракованные детали. Их полагается спрашивать и отправлять в утиль. При этом ОТК учитывает их как металлолом — в тоннах, цехи же сдают в ступках. И никому не приходит в голову слышать, соответствует ли вес сдаваемого в утиль металла тому числу деталей, которое полагается в ОТК.

Находились негодяи, которые, пользуясь этим, бракованные детали воровали, мастерили из них часы и пускали в продажу. Даже одно время приспособили торговать ими пропойцы-замка Кузнецова. День другой такая часть гниала, потом оставалась А люди, которые никуда не годные баракло, выдены на корпус марки Первого часового завода!

В МЕСТКОМ — ПО ПРОПУСКУ...

КОГДА упомянутый Кузнецов попался и сделал попытку спря- тать концы в воду, он с редкой наглостью явился в ОТК, прося обмена ему еще не проданные часы. Там взглянули — и ахнули! Часы-то целиком из бракованных деталей, которые по учету считались уничтоженными до последнего винтика!

Никому ни звука, — решительно сказал заместитель начальника ОТК Морозов. — К чему нам скандал? Часы у этого жулика надо взять и выдать ему взамен хорошие.

Ложное понимание чести коллектива, стремление ни под каким видом не выносить сор из избы, к сожалению, характерно для руководства завода. Написали, например, рапорты замечку о разоблачении расхитителя — редактор многотиражки замахал на них руками: «Разве можно такое печатать? Ведь нашу газету и в райком читают! Другого вору рабочие подстерегли и поймали с поличным — администрация вежливо предложила ему уйти «по собственному желанию». Один из сотрудников ОТК попробовал докопаться, кто таскал бракованные детали, — последовало откровение: «Необходительный орган: ты что это, в частные съезды записался!»

Не следует, однако, думать, что на заводе вообще не занимаются охраной социалистической собственности. Посмотрим, как это делается.

У ворот заводоуправления — детина с ружьем. Попробуйте-ка без пропуска прорваться в местком или в юридическую контору! Зато в склад готовых изделий, где чаще коридоры забиты коробками с часами, вход свободный, прямо с улицы. «Склад у нас открытый, чтобы не было лишнего бюрократизма», — туманно поясняют кладовщики. А вечером, когда заводской народ расходится по домам, из загородной паршии привозят в автобусе спорные «детали», чтобы люди не занимали чужие места и помнили о своем призвании, но можно этого заниную-паннучку расценивать и как сущее ограничение, бескрылое...

Приведенные слова можно понять как справедливые призыв к тому, чтобы люди не занимали чужие места и помнили о своем призвании, но можно этого заниную-паннучку расценивать и как сущее ограничение, бескрылое...

Не бывает вороне коровою, Не летят лягушатам под облаком!

После этого случая в местком привели как пример «хорошего работника» человека, который в течение нескольких лет не нарушал правил пропускного режима. Он был награжден грамотой и получил право свободного прохода на завод. Но через несколько месяцев он был уволен с завода за кражу.

Еще один случай. На заводе обнаружены часы, которые были украдены в местном магазине. Было возбуждено уголовное дело. Но через несколько месяцев дело было закрыто.

Итак, в местном — по пропуску... В местком — по пропуску... В местком — по пропуску...

таскал проникнуть злоумышленник или, тем паче, днем кто-то явился бы с недоброй целью в местком). Мы против формального отношения к охране народного добра. Дед с ружьем и овчарка могут отпугнуть шаляго бандита, который вдруг взберется на ум ограбить часовой завод, но хищником типа Поликарповой они никак не мешают обделывать свои грязные дела.

А вот, повторяем, не пришло еще время отказываться и от такой формы охраны, как человек с ружьем. Но время пришло повести буквально всеобщую борьбу против расхитителей.

Вот о таком всевидящем оке мы и хотим рассказать.

ВСЕВИДЯЩЕ ОКО

ПОДАВЛЯЮЩЕЕ большинство рабочих Первого часового завода — юбочки и девушки. Приселенные сюда прямо со школьной скамьи. И, наверное, потому особенно отчетливо чувствуют радостное веяние нового в жизни многотысячного заводского коллектива.

Но бережливой, хозяйской заботы о сохранении создаваемых ценностей никто у рабочих не воспитывает. И это беда не одного завода; на многих наших предприятиях люди, научившись замечательно, по-коммунистически трудиться, не научились еще по-коммунистически охранять плоды своего труда.

Как же быть? Усовершенствовать систему учета? Строже наказывать за дьявольские жуликов? Да, отчасти и это. Но главное и решающее привлечение самих рабочих к массовому участию в охране общественной собственности.

Недавно рабочие завода «Азовка» создали, например, самодеятельный совет по охране социалистической собственности. Скорю он сделался формальной грозой жуликов и разгильдяев. Каждый случай вандализма или ротозейства совет выносит на публичное обсуждение. Происходит принципиальный коллективный разговор, в котором рабочие «продирают» с песочком своего провинившегося товарища, выясняют, почему стало возможным правонарушение, и вырабатывают конкретные меры, улучшающие порядок контроля, учета, охраны материалов.

Ныне случаи хищений на заводе сведены на нет.

СЛЕДСТВИЕ по делу Поликарповой и ее соучастников глубоко всколыхнуло общественность Первого часового завода. Сложившаяся на заводе атмосфера молчаливого попу-

лицательства хапугам была гневно осуждена; рабочие выразили готовность активно включиться в борьбу с жуликами. И когда по ходу следствия понадобилось срочно провести инвентаризацию, более ста лучших рабочих пришли в партокм и вызвались за одну ночь проделать эту чрезвычайную кропотливую и трудоемкую работу...

В эти же дни на заводе родилась народная дружина.

— Хулиганов и пьянчуг мы, конечно, скрутим, — говорила молодое. — Но только ли с ними должны мы бороться? Разве темные дела производителей орудующих за нашей спиной, нас меньше касаются?

А борьба с мажорами не так уж легка. Как мы привыкли представлять себе преступника? Этакая отталкивающая личность: взгляд исподлобья, вороватые руки с татуировкой, кривая усмешка, «блатные» словечки. А тут сталкиваешься с людьми, внешне вполне добропорядочными. Такой не ограбит старуху в темном переулке и не залезет к вам в карман, воспользовавшись толчеей. Он и профсоюзные взносы платит аккуратно, и на собраниях выступает правильно. Поди-ка его разгадай!

Вот, скажем, Поликарпова. Уж не то, что кажется, за план болеела — даже отпусков не брала. А оказывается, потому не брала, что боялась, как бы не оборвалась без нее вороская нить.

На заводе говорили: мы всем цехом думаем, как уменьшить брак при штамповке камней, как удешевить тару, в которой пересылаются часы. А давайте подумаем и о том, как бы нам окончательно изжить тех хапуг, кто крадет у народа плоды нашего труда.

Пусть дружина наводит порядок не только на улицы, но и в собственном доме. Пусть объявит войну равнодушию и ротозейству!

И вот первые шаги комсомольцев. Рейд по охране социалистической собственности. В механическом цехе обнаружено, что детали хранятся в валом, и толком не учитываются, в платино-мостовом цехе среди бракованных деталей найдены хорошие. По сигналу дружинников администрация немедленно навела порядок.

Рабочие Первого часового завода начали больше нужное. Хотелось пожелать им всяческих успехов.

А. ЛАВРОВА
О. ЛАВРОВА

Отдыхаем!

НЕ так-то это легко подчитать, сколько студентов отдыхает нынешним летом в санаториях, домах отдыха, в спортивно-оздоровительных лагерях, сколько проводит свои каникулы в туристических и альпинистских походах.

В профкоме Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова нам сообщили:

— Мы уже выдали сотни льготных путевок в дома отдыха. Наши студенты наслаждаются сейчас отдыхом в Пестове, Поленове, Шаликовом, Широком и других живописнейших местах. Удовольствие это недорогое — 72 рубля, а часть путевок и вовсе бесплатная... А в Красноводе — палаточный городок на 250 человек в смену. Учтите, данные эти не полные — многие у нас отдыхают еще в походах.

Особенно широко развернуты в это лето спортивно-оздоровительные лагеря. В 1957 году таких лагерей у Министерства высшего образования СССР было 70,

Отдыхаем!

и отдыхало там 8 500 человек. Ныне действует около 130 лагерей, в которых побывает свыше 22 000 студентов.

— Эти данные далеко не точные, они только по нашему ведомству, — пояснил нам в министерстве, — а по всему Советскому Союзу лагерей куда больше!

— Сколько дней находится студенты в лагере?
— Двадцать четыре.
— Сколько они платят за путевку?
— От 100 до 200 рублей.
— Какова «география» лагерей?
— Самая широкая. Студенческие палатки белеют во многих уголках страны. Молодежь приобретает за туризм, закаливается в спорте, помогает колхозникам в полевых работах.

На снимке: в спортивно-оздоровительном лагере Московского энергетического института. Поэт Буньжован Балганжар, слушатель Роберт Райккенен, Нанжа Дашзевейин и Лариса Захарова.

Фото Майи Скурихиной

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

4 июля в «Литературной газете» была опубликована статья Михаила Исаковского «Об этом надо сказать решительно и прямо», в которой под резким критическим пером Алексея Маркова. Статья вызвала поток писем в редакцию. Многие читатели продолжали разговор, начатый поэтом, и так же решительно и прямо критикуют некоторые издательства и редакции (в том числе и редакцию «Литературной газеты») за то, что они печатают плохие стихи. Сегодня мы публикуем несколько писем наших читателей.

Была коса...

Хорошие стихи запоминаются непрозрачно, их хочется перечитывать. Именно поэтому томини стихов Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского, Есенина имеются почти у всех читателей, обладающих самым разным вкусом. Наша читательская память, пожалуй, и есть та лагуновская бумажка, посредством которой всегда можно отличить хорошие стихи от плохих. И сколько бы плохой поэт ни печатал своих стихов, ни выступал с ними по радио и на телевидении, — стихи его пройдут мимо читателя. Единственно, что читатель может запомнить, — это примелькавшееся ему имя. Так я запомнила В. Котова и Друзих.

Недавно вышел сборник стихов В. Котова «Была у девушки коса». Название интригующее. Захотелось прочесть стихотворение, которое дало название всему сборнику. Оказывается, автор горячо ратует за сохранение у девушек кос. Чт и говорить, великая и вечная проблема! А я все же беру на себя смелость и, пользуясь собственным опытом, советую девушкам, едущим на новостройки или на целину, в места не обжитые, косы срезать и носить короткую стрижку — это куда удобнее.

А вот еще пример из стихов этого же поэта (эти строки опубликованы в «Отзывке»):

Всерьез ведь!
Ребята женятся.

Стихи, лишённые поэзии

На складах книжных магазинов скопилось много сборников стихов. Кто-то очень умный (но не очень объективный) объяснил этот факт тем, что читатели разучились понимать поэзию, не любят ее. И с легкой руки этого «некто» все стали повторять несправедливую версию. О том, что читатели не разучились понимать поэзию, любят ее и читают, говорят факты. В продаже нет Пушкина, Лермонтова, Есенина, а издают их в немалых тиражах. Попробуйте найти в магазинах стихи А. Твардовского, М. Исаковского, С. Шипачева, В. Луговского, Е. Винокурова, К. Ваншенкина, Е. Евтушенко — не найдете.

Но опасность, что читатели в конце концов действительно перестают понимать поэзию, вполне реальна. И поныне в этом не читатели, а поэты и редакция, которые печатают плохие стихи.

Один из таких сборников «Не хмурьтесь, друзья!» (Челябинское книжное издательство, 1958 г.) я, большая любительница стихов, имел несчастье купить. И пусть автор его Я. Вохменцев на меня не обижается, но выполнить его просьбу и не хмуриться я не могу.

Каждый кто берет в руки поэтический сборник, ищет в нем поэзию, красоту и силу человеческого чувства. В первом же стихотворении Я. Вохменцев

Решительно и прямо

и потому они вынуждены работать. На всю жизнь запоминаются строчки из стихотворения Н. Тихонова: Гвозди б делай из этих людей — Крепче б не было в мире гвоздей. Зачем же засорять поэзию ржавыми гвоздями?

О. РАМЕНСКИЙ, учитель.
ШОИНА, Венецианский национальный округ, Архангельская область

Костер без пламени

В статье М. Исаковского все конкретно и просто, без обиняков и казенных, нависших оскомину критических фраз. В ней ясно все любому не испушенному в поэзии читателю. Хорошо бы чаще печатать статьи, подобные статье М. Исаковского, с конкретными, обстоятельными разбором стихов того или иного поэта.

Передо мной номер газеты «Литература и жизнь» за 8 июля. В нем в видном месте помещено четыре стихотворения Игоря Кобзева.

Название одного стихотворения меня заинтересовало. «Ну, — думаю, — что-то должно быть новое». Читайте: «Лебеди в Москве». Любый смертный не может не любить эту прекрасную птицу, не только поэт, прочитав стихи, и мне обидно стало за лебедя. Какая примитивность, надуманность, бессомночность избирательных средств!

За войной, за прочими заботами мы совсем забыли лебедей. А теперь в Москве Над всеми водами Вновь чаруют лебеди людей...

Над прудом — летяшки В шуме, в лепете. С ними воспитательницы тут. Как виденье, проплывают лебеди.

— Главные, дети, уточки плывут! Ну, какую радость доставить такие стихи? Стихи без души не греют, не волнуют людей.

И. ЮЩЕНКО
ВОЛКОВЫСК, Гродненская область

Гвоздь или старуха...

Статья М. Исаковского — хороший урок воспитания художественного вкуса для некоторых поэтов и редакторов. К уже сказанному М. Исаковским следовало бы добавить, что пропагандистами слепоты и глухоты в поэзии оказываются не только редакция газет и журналов, но и редакция радиовещания.

15 июля в «Пионерской зорьке» передавалось стихотворение Юрия Яковлева «Сказка о гвозде». Уже первые строчки насторожили:

..... Гвоздь,
Пропыливший весь насквозь

Когда жарящему гвоздю предложат уйти на покой, гвоздь с гневом воскликнул: «Кто я, гвоздь или старуха? Оказалось, что гвоздь не старуха: гвоздям по старости пенсии не да-

Стихи, лишённые поэзии

знакомит читателя с новым положительным героем. В другом рассказывается о его профессии, очень старательно убеждает в том, что герой его очень хороший. Но мне мало знать, что герой его очень хороший.

Он — монтер, забится о свете С той поры, как станция в строю...

Меня не удовлетворяют сведения о нем, которые должны, по мысли автора, передавать характер героя:

Свинтила. Закрыл. И, смотря, снова Пошло. И хлынула зерно.

Для стихов недостаточно утверждения, что герой или героиня — хороший паровоз, отличная телятинка, лучшая дырка и т. д. Все это мы можем прочесть в газете, причем в газете все это выглядит интересней. — ведь речь идет о живых, а не вымышленных людях.

Наши критики почему-то упорно не хотят отличать плохое от хорошего, боясь сказать правду поэтам, стихи которых лишены поэзии. Два года назад окончил школу, комсомольцем, работаю в колхозе и готовлюсь к поступлению в вуз, на филологический факультет. Я убежден: сборники стихов, в которых нет поэзии, не надо издавать.

В. АИЩЕНКО
СЕЛО ЧЕРНОВОВКА, Челябинская область

Литературная Газета

1 августа 1959 г. № 95

ГЕОРГИЙ БЕРЕЗКО

Сегодня мы публикуем отрывок из нового романа Георгия Березко «Сильнее атомов». Это роман о мирных буднях армии, о людях, несущих военную службу. С одним из главных героев романа, старшим сверхсрочной службы Елистратовым, мы знакомимся в минуту его наглядного раздумий над своей дальнейшей судьбой. Полностью роман будет напечатан в журнале «Знамя».

Сидя вечером в саду Таисии Гавриловны — женщины, с которой Елистратов был близок, — он о своих служебных хлопотах и оторченности по обыкновению молчал. «Служба идет» и «Чепе не отмечались» — вот все, чем приходилось ей довольствоваться в ответ на свои вопросы. Но женщина не обманывалась — Федор Петрович, как она величала его, даже когда оставался с ним наедине, был подавлен, мрачен. И, не добиваясь откровенности, на которую он имел право, она, как могла, старалась его рассеять и доставить ему удовольствие. Она принесла ему домашние шлепанцы и убрала в угол пыльные сапоги, укрывала на вешалке за занавеской воскресный китель и распечатала новый кусок душистого мыла. Елистратов, умытый и посвежевший, в мягких шлепанцах и в голубой трикотажной майке, расположился в ожидании ужины на скамейке под старой яблоней. Таисия Гавриловна собирала на стол в своем одиноком садике, потонувшем в синеватой, будто железной краске, в тусклом дождике, но ином и уютном сейчас, в теплом августовском вечеру. Уже немолчаливо — под рокот лет, с большой, выхваченной под ситцевой кофтой грудью, она снова, как вечно, из домика в сад, и ее крупные руки — руки прачки, бледно-розовые, обваренные в бесконечных потоках горячей воды, быстро двигались, расставляя на «клевке» тарелки и стаканы.

Очнувшись от раздумья, Елистратов проговорил: — Насте в школу скоро идти, ботиночки купила ей? Я говорю...

Настя, старшая дочь Таисии Гавриловны, перешла в четвертый класс; на один год моложе

была вторая дочь — десятилетняя Люба. И самым младшим в этом семействе был Костя — ему только еще предстояло осязательно войти впервые в двери школы.

— Спасибо вам, Федор Петрович! — серьезно сказала Таисия Гавриловна. — Взла туфельки на микропорке, стельняшкие. — Чего спасибо? — Салтанца, спасибо, сказала Елистратов.

И они опять замолчали. Женщина скрывалась в своем домике, низеньком, обветшавшем, с заляпанной толем крышей, с дощатыми сенцами, с косям крыльцом по две ступеньки, с раскошей надкушью возле него. «Хижина Яды Тома» — называл это строение сам Елистратов в те редкие минуты, когда бывал расположен к шутке.

Вернувшись, Таисия Гавриловна поставила на проволочный кружок сковородку с жареной, трещавшей в масле колбасой. Елистратов взял бутылку.

— Чего ж ты, на ночь глядя, ребят отпустила? — сказал он. — Косте спать уж пора. Он налил водку в граненые зеленые стаканы и пододвинул одну хозяйке.

— А они рядом тут, на огородах, — ответила Таисия Гавриловна. — Горюх, что осталась, обирают... Пускай их побегают — последние денечки.

— Садись, — пригласил Елистратов. — Выпей, чего ж ты? Только теперь она села, и они молча чокнулись.

Слабый ветер, что поднимается иной раз перед закатом, долетел сюда, и с яблони посыпалась на стол подхоющие, обмотанные паутинкой листочки. Небо на западе стало яркочелым, горячее, резкое цвета, и столвы деревьев на его фоне сделались почти черными... Елистратов подумал, что если эта безоблачная погода продлится еще недели две, пока будет идти инспекторская проверка, то лучшего и жалеть нельзя.

Он выпил, закурил, еще раз выпил и, несколько помгав, сказал: — Я Насте книгу достал: хрестоматия по литературе для шестого и седьмого классов. Таисия Гавриловна удивилась и помолчала. — Да куда ж Насте для шестого? — осторожно спросила она.

— Пускай лежит — сгедится в свой срок... Я занесу, — пообещал Елистратов. Она вздохнула — не потому, что опечалилась, напротив — покой, сошедший на нее от этого семейного разговора, покой домовитости, уверенности в завтрашнем дне был так щемя-

РЕПЛИКИ

УЧПЕДГИЗ выпустил в свет книгу «Советская детская литература. Сборник статей».

Одна из статей сборника посвящена творчеству К. И. Чуковского. Основная проблема, которая волнует А. Дубровина — автора статьи о «Мухе Цокотухе», «Бармалее» и «Тараканище», — это проблема положительного героя. Без особых колебаний он приходит к выводу, что главный положительный герой Чуковского — доктор Айболит. Это утверждение оспаривают другие ученые. По всем данным доктора Айболита в отрицательные герои не зачисляют. Зато другие персонажи Чуковского оставили критика в тупик.

«Взять хотя бы образ того зайца, — пишет он, — который в «Пугаче» лежит под капустой и допечет:»

Пойдем дальше: «Стой же противоречие описывает автор в «Мухе Цокотухе», — пишет А. Дубровин, — гостей-наседомых, предельски поживших в беде свою хозяйку Муху, а в конце сказки тем не менее представляющих перед нами в качестве милой и приятной компании».

Казалось бы, следует решительно осудить упомянутых наседомых за двуличничество. Но так далеко А. Дубровин идти не хочет. Поэтому дальше он предпочитает говорить о них уже не от своего имени, а от имени маленьких читателей.

«...осуждая «козляшек» из «Мухи Цокотухи» когда они трусливо забиваются «под лапочки», и наоборот, симпатизируя им, когда они потом танцуют с червячками, ребята вовсе не прощают им

ЗАЯЦ ПО-ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИ

В самом деле, как трактовать образ зайца? Приходится рассчитывать на то, что Чуковский уточнит бдительные читатели. Так и пишет Дубровин: «Уточняют, конкретизируют все это с наших классовых позиций родители, педагоги...»

Да, приходится признавать, что ясной классовой позиции у зайцев, букашек, тараканичек и козлячков в книжках Чуковского зачастую нет.

Почему же противоречивое описание автор в «Мухе Цокотухе», — пишет А. Дубровин, — гостей-наседомых, предельски поживших в беде свою хозяйку Муху, а в конце сказки тем не менее представляющих перед нами в качестве милой и приятной компании?»

Казалось бы, следует решительно осудить упомянутых наседомых за двуличничество. Но так далеко А. Дубровин идти не хочет. Поэтому дальше он предпочитает говорить о них уже не от своего имени, а от имени маленьких читателей.

«...осуждая «козляшек» из «Мухи Цокотухи» когда они трусливо забиваются «под лапочки», и наоборот, симпатизируя им, когда они потом танцуют с червячками, ребята вовсе не прощают им

еще хорош, так все еще нов, что вызывал желанные плакаты.

— Костя я все учебники занесу, — подумав, продолжал Елистратов. — Майор Фроленко, комбат, говорит мне: «Бери, старшина, у нас, что потребуется, за весь средний курс — от формы остался только».

Фуржечку бы надо ему еще... — Таисия Гавриловна жалобно сморщилась, удерживая слезы. — С гербом, ученическую.

— Форма? Это обязательно, это, как закон... Носить ее только не все умеют... Не годится, чтобы головной убор на ушах сидел, как кар্তুз какой-нибудь.

Елистратов представил себе маленького, толстенького Костю в форме — в серой гимнастерке, перепоясанной ремнем, в фуражке с желтыми кантами и даже повеселел.

— Надо его... головной убор то есть, чукотку на правую сторону сдвинуть, по-военному,

